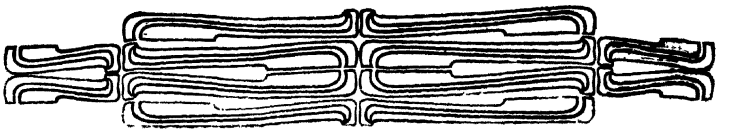
М. В. БЕЗОБРАЗОВА.

Очеркъ ея философской дѣятельности.

Докладъ, прочитанный въ Этическомъ кружкѣ Женскаго Взаимно-Благотворительнаго Общества 2 марта 1915 года.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. 28.
1915.



М. В. Безобразова.

Очеркъ ея философской дѣятельности.

Докладъ, прочитанный въ Этическомъ кружкѣ Женскаго Взаимно-Благотворительнаго Общества 2 марта 1915 года.

Важно то, что человѣкъ вноситъ въ свою жизненную дѣятельность: та симпатія, которою онъ одушевленъ, тѣ идеалы, которые онъ преслѣдуетъ въ видѣ завѣтной цѣли. Это любимое и завѣтное я и попытаюсь опредѣлить въ философскихъ статьяхъ недавно почившей М. В. Безобразовой, помянуть которую мы сюда собрались.

Въ философскомъ, какъ и въ литературномъ творчествѣ, мы наблюдаемъ однихъ, пролагающихъ новые пути, піонеровъ мысли и слова. Таковы Декартъ во Франціи, Кантъ и Гегель въ Германіи, В. С. Соловьевъ у насъ въ Россіи. Но есть умы другого калибра — цѣнители геніевъ, ихъ критики, открывающіе алмазы среди грудъ простыхъ камней и несущіе ихъ на общее пользованіе. Таковы были Бѣлинскій и Станкевичъ. Къ этому роду философскихъ критиковъ принадлежитъ и покойная М. В. Безобразова, популяризаторскую дѣятельность которой цѣнилъ В. С. Соловьевъ.

Съ своей докторской диссертаціи, защищенной въ Бернѣ (1891 г.), — „Рукописные матеріалы къ исторіи философіи въ Россіи“ М. В. проводила мысль, что русская философія была по преимуществу не теоретической, а практической, не метафизикой, но этикой“. Это была ея основная идея, красною нитью проходящая сквозь всю ея дѣятельность. Какъ тонкій философскій критикъ, М. В. переносится въ разныя эпохи и останавливается въ нихъ на томъ, что находитъ себѣ родственнымъ и духовно близкимъ. То это Діонисій Ареопагитъ, то

Максимъ Грекъ, то Сковорода, то его современникъ, авторъ XVIII вѣка Тепловъ, то Шопенгауэръ, то Ницше, то наши современники прагматисты—Джэмсъ и Бергсонъ. Ее манятъ прежде всего и сильнѣе всего исканія и проявленія нравственности, въ любованіи ими—паѳосъ ея жизни.

Среди статей М. В. есть глава изъ сочиненія „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи", удостоеннаго почетнаго отзыва Академіи Наукъ въ 1897 году. Эта статья трактуетъ о „Твореніяхъ св. Діонисія Ареопагита" въ древнемъ переводѣ XIV вѣка. Переводъ „является однимъ изъ древнихъ памятниковъ нашей письменности". Разбирая ученіе этого отца церкви, М. В. обращаетъ вниманіе на то, что „мистицизмъ, который раскрывается на страницахъ произведеній Д. Ар., мистицизмъ этическій". Думаю, что онъ-то и привлекъ ее къ этому мыслителю.

Особенно интересна глава, посвященная Максиму Греку на основаніи его сочиненій (между прочимъ его посланія къ нѣкоему Георгію). Авторъ останавливается на Максимѣ, какъ на философѣ, воспитанномъ на Платонѣ и эллинской мудрости, несмотря на его критическое отношеніе къ „внѣшней мудрости" или „окружному знанію". И не столько какъ философъ привлекаетъ Максимъ Грекъ симпатію М. В., а какъ моралистъ. „Онъ заслуживаетъ такое названіе не только, благодаря своему знакомству съ философіей, но и нравственной жизнью".

Нравственность есть та путеводная звѣзда, которая чаруетъ М. В., какъ и вообще русскихъ философовъ, цѣнителей дѣятельнаго добра. Не моралистомъ-теоретикомъ является Максимъ, а исповѣдникомъ своихъ завѣтныхъ убѣжденій, мученикомъ за нихъ. Онъ подвергается заточенію въ Волоколамскомъ монастырѣ, потому что не подчинился волѣ митрополита Даніила, отказался сдѣлать несимпатичный ему переводъ сочиненій Ѳеодора и порицалъ разводъ князя Василія Іоанновича. „Лучшіе люди всегда были и будутъ чужими и непризнанными, всегда ихъ слова и дѣла будутъ итти въ разрѣзъ съ тѣмъ, что надо говорить и дѣлать съ цѣлью не страдать. Люди эти никогда не въ состояніи опуститься до уровня времени и страны, и удѣломъ ихъ не можетъ не стать потому то лучшее, что существуетъ на землѣ. Лучшее заключается въ томъ, что люди эти не въ состояніи спуститься, стоятъ выше и несутъ потому не крестъ, а вѣнецъ, страдаютъ не физически, а духовно, и страдаютъ такъ, потому что они не отъ міра сего".

Сочиненіе Аристотеля „Тайна тайныхъ" (славянскій переводъ XVI вѣка) даетъ М. В. возможность сдѣлать выводъ

относительно появленія матеріализма въ русской культурѣ. Это поученіе Аристотеля Александру Великому трактуетъ о вліяніи тѣла и его мельчайшихъ особенностей на духъ человѣка. Очевидно, такой взглядъ возбуждалъ въ то время интересъ и сочувствіе, разъ нашелъ откликъ въ видѣ перевода на Руси. Тотъ же матеріализмъ сквозилъ и въ другой рукописи XVI вѣка, разбираемой М. В. и посвященной психологіи. Въ ней аскетизмъ переплетается съ матеріализмомъ. Такъ съ одной стороны говорится „что отъ невидимыхъ составовъ человѣка происходятъ невидимыя качества", съ другой объявляется, что „отъ сердца видимаго мудрость невидимая бываетъ, и отъ мозга видимаго мысль невидимая".

Погруженіе въ прошлое выставляло передъ М. В. ходъ развитія умственныхъ исканій на Руси и въ болѣе широкой сферѣ человѣчества. Среди русскихъ философовъ ее привлекаетъ одинъ самородный мыслитель XVIII вѣка Тепловъ, задававшійся цѣлью выработки русскаго философскаго языка и популяризаціи философіи для своихъ соотечественниковъ, незнакомыхъ съ иностраннымъ языками и не свѣдущихъ въ наукахъ. Для XVIII вѣка это было крупнымъ замысломъ. Философію Тепловъ опредѣлялъ, какъ „праведное мышленіе" (опять таки примѣсь этики), подраздѣляя знаніе этого предмета на философское и историческое, а также по двумъ основамъ на основаніи разума (для людей мысли) и опыта (для людей обыкновенныхъ). Раціонализмъ XVIII вѣка, вѣра въ верховенство разума, присущи и Теплову, который желалъ бы видѣть человѣческій разумъ *совершеннѣйшимъ*, но наталкивался на „предѣлы натуры". Тепловъ даетъ въ своихъ „знаніяхъ" и метафизику, и этику, и исторію философіи до послѣдняго времени „съ цѣлью пользы народной". М. В. любуется такой попыткой популяризаціи въ отдаленную эпоху XVIII вѣка и выставляетъ лозунгомъ слова Теплова: „Исправьте свое", т. е. поддержите задатки народнаго творчества.

Современной философіи М. В. отводитъ роль метапсихологіи вмѣсто метафизики. Коперникомъ новой философіи служитъ Кантъ, Авенаріусъ сдѣлалъ лишь неудачную попытку замѣнить его: чистый опытъ невозможенъ. Истинная философія не можетъ быть замѣнена такъ называемой научной, т. е. чистой классификаціей, потому что философіи присущъ творческій элементъ. Рядомъ съ точными знаніями „продолжаютъ существовать тѣ смѣлыя обобщенія, гдѣ творитъ фантазія и живетъ горячая любовь къ неизвѣстному". Философія носитъ глубоко

личный, творческій характеръ, въ этомъ ея значеніе. „Тотъ, кто творитъ смѣло и беззавѣтно и носитъ въ себѣ идею цѣлаго, не можетъ считать необходимымъ опыта. Современные друзья мудрости также личны, какъ были то древніе". Философы привлекаютъ къ себѣ интересъ и сочувствіе своей непонятностью; это большею частью люди, проводящіе въ жизнь новые взгляды и идеалы, потому и отвергаемые большинствомъ. „Жизнь философа всегда и вяжется съ его произведеніями, но связь эта— паутина, которая ускользаетъ отъ того, кто хочетъ веревокъ". Философы избранники, появленіе которыхъ Ницше считаетъ важнѣе существованія не только университетовъ, но цѣлыхъ государствъ. Ихъ значеніе глубоко жизненное, и вотъ на жизненной роли философіи и останавливалась М. В., вѣрившая въ философію, какъ въ руководительницу жизни. Но такъ какъ философскія системы разнообразны, то она и выдѣляла изъ нихъ тѣ, которыя двигали жизнь въ смыслѣ нравственномъ. Такова была автономная мораль Канта; таково ученіе о волѣ Шопенгауэра, слѣпой у человѣка первобытнаго и просвѣтленной на высокой ступени развитія. Сюда отнесенъ былъ и Ницше, такъ различно понятый толпой, но привлекающій симпатію своимъ призывомъ къ духовному возвышенію человѣческаго типа, чтобы онъ сталъ „тверже бронзы, благороднѣе бронзы".

Популяризація философскихъ взглядовъ, стремленіе помочь въ нихъ разобраться большой публикѣ, любящей пофилософствовать безъ почвы подъ ногами,—было любимымъ и полезнымъ дѣломъ М. В., въ которое она вкладывала всю душу и энергію. „Смыслъ жизни въ томъ, чтобы связать хорошее слово съ хорошимъ дѣломъ, поставить себѣ цѣлью преслѣдовать ихъ тождество". Въ этихъ словахъ выражается девизъ самой М. В., неизмѣнно стремившейся къ активному воплощенію своихъ идей, къ дѣятельному добру. „Созданіемъ совокупности нашихъ способностей, результатомъ дѣятельности духа является идеалъ, а онъ потому-то и служитъ прообразомъ жизни. „Идеалъ— зерно жизни". „Что такое добро и истина, вотъ задача прогресса".

Мы уже говорили, что вопросы, занимающіе М. В., главнымъ образомъ вопросы этическіе. Къ нимъ принадлежитъ и такой центральный вопросъ метафизики, какъ свобода воли. М. В. пытается приблизить къ общему пониманію сложнѣйшія проблемы человѣческаго бытія. „Философія", говоритъ она, „какъ обобщеніе всѣхъ наукъ, поднимаетъ насъ надъ жизнью, объясняетъ намъ наше призваніе. Помочь открыть человѣку это

призваніе, осознать его—вотъ цѣль лектора. Взглядъ на волю соотвѣтствуетъ современному ученію: „Воля эта является обобщеніемъ нашихъ способностей, ихъ итогомъ".

Вступая въ жизнь, М. В. выставила своимъ идеаломъ чистую нравственность, признавая „за религіей лишь служебную роль". („Религія подпорка нравственности"). Въ этомъ она рѣзко расходится съ Достоевскимъ, исповѣдывавшимъ, что если Бога нѣтъ, то все дозволено, а также со всѣми мистиками, почитающими за религіей самоцѣнное значеніе. М. В. говоритъ, что не вѣритъ въ вѣчность и „въ душу безъ оболочки" [1]), т. е. въ безсмертіе, и высказывается за автономную нравственность по Канту. Ей она кажется единой на потребу цѣлью жизни, удовлетворяющей немногихъ, но зато настоящихъ служителей добра и истины. Она съ убѣжденіемъ говоритъ о привлекательности зла и неприглядности добра, до котораго надо докапываться, очищая его отъ наносовъ зла, какъ самородокъ отъ грязи. И тѣмъ не менѣе она вѣритъ въ „оправданіе добра" ради добра. Въ наше время, когда и Кантъ былъ подвергнутъ пересмотру, и вѣра нашла себѣ защиту даже въ утилитарной Америкѣ въ лицѣ Джэмса, такой взглядъ на религію кажется чѣмъ-то пережитымъ, не удовлетворяющимъ современное сознаніе. Статья М. В. „Что такое чистая нравственность" относится къ ея раннимъ произведеніямъ, а что она пережила на закатѣ жизни, какой опытъ вынесла изъ нея, является вопросомъ, на который даютъ, если не отвѣтъ, то намеки заключительныя статьи ея „Изслѣдованій" (1914 г.).

Останавливаясь на трехъ ирраціоналистахъ послѣдняго времени—Фехнерѣ, Джэмсѣ и Бергсонѣ, она говоритъ по поводу вѣры Фехнера въ безсмертіе: „Какъ хорошо, если все то, что думаетъ Ф., не фантазія, а истина!" Потребность вѣры заговорила въ изстрадавшейся душѣ М. В. и нашла себѣ подкрѣпленіе въ проповѣдникахъ волевого начала. М. В. глубоко анализируетъ философскія системы, критика—присущій ей даръ. Цѣнно то, что она внимательно слѣдила за новѣйшей философской мыслью и чутко на нее откликалась. Ее интересуетъ прагматизмъ съ его возвратамъ къ вѣрѣ: она сама допускаетъ иную сверхчувственную жизнь, подъ вліяніемъ ударовъ судьбы и толчковъ мысли.

М. В. подраздѣляетъ различные виды философовъ на активныхъ борцовъ со зломъ, каковы Платонъ, Дж. Бруно, и пас-

[1]) „И вотъ эту вѣчность я какъ-то не могу себѣ представить".

сивныхъ, какъ Спиноза, Толстой и другіе. Сама М. В. всецѣло активный типъ, это сквозитъ изъ всего ея внутренняго склада. „Отношеніе равнодушія не достойно друзей мудрости, любителей добра на землѣ“, говоритъ она. Знакомый ей нѣмецкій философъ Эйкенъ, профессоръ Іенскаго университета, назвалъ ея міровоззрѣніе *этическимъ идеализмомъ*. Послѣ нѣкотораго раздумья она его принимаетъ, т. к. оно какъ нельзя лучше выражаетъ ея высшія стремленія. Этику она кладетъ во главу угла, идеализмъ принимаетъ съ оговоркой, что производитъ его отъ *идеала*. Раньше она исповѣдовала конкретный *монизмъ*, не могла представить себѣ души безъ тѣла. Но поставивъ передъ собой дилемму—монизмъ или идеализмъ, она нашла исходъ, поднявшись подъ монизмомъ и выходя изъ предѣловъ видимаго міра.

— „Когда я не могу обнять другую жизнь, достичь ея конца или постичь вѣчность, все же безсмысленно по тому самому отрицать ее. Не лучше ли, когда скажу чистосердечно: да есть иная жизнь“. — „Есть еще много жизни неизвѣданной, невѣдомой и несомнѣнной“.

Живой и пытливый умъ М. В. вывелъ ее изъ рамокъ принятой догмы, повелъ къ новымъ искателямъ истины на почвѣ интуиціи (Фехнеръ, Джэмсъ, Бергсонъ) и заставилъ допустить сверхчувственную сферу познанія. Изъ современныхъ философовъ ей пришелся по душѣ упомянутый іенскій философъ Эйкенъ.—„На языкѣ Эйкена понять это связать“ говоритъ она. Онъ—философъ синтетическій, который вездѣ ищетъ единства, вотъ это единство и плѣняетъ ее, жаждущую гармоніи. Эйкенъ — врагъ системъ: „изъ множества теченій надо отмѣтить главное, которое называется *жизнью духа*. Онъ стоитъ за развитіе личности, за побѣду духовнаго начала надъ природой, являющейся его низшей ступенью. Элементъ борьбы въ различіи культуры глубоко цѣнится Эйкеномъ, усматривающимъ торжество внутренняго начала въ этикѣ и религіи, въ послѣдней оно доходитъ до апогея.—Религія „борется не за счастіе, а за истину духовной жизни“, создаетъ новую дѣйствительность. Міровая жизнь восполняется углубленіемъ духовной жизни, высшее напряженіе которой проявляется въ великихъ личностяхъ, творящихъ новыя цѣнности.

Я пріостанавливаюсь на міровоззрѣніи Эйкена, какъ и другихъ философовъ, разбираемыхъ М. В., потому что они служатъ иллюстраціями къ ея воззрѣніямъ, на примѣрахъ она выражаетъ собственное исповѣданіе вѣры. Сочувствуя строительству

лучшаго будущаго, она всюду отыскиваетъ творческій элементъ, стремленіе впередъ, богоискательство.

Въ статьѣ „О чистой нравственности“ М. В. ставитъ выше всѣхъ добродѣтелей справедливость, какъ идейное чувство, неизбѣжно вызывающее борьбу мотивовъ. „Въ справедливости примиряются два начала—служеніе идеѣ и человѣку“, говоритъ авторъ, жаждущій высшаго синтеза. Но для обрѣтенія его нужна борьба: „міръ, иначе покой, смертность, непротивленіе злу,—то самое, за что такъ удобно прятаться злу“. М. В. глубоко вѣрно отмѣчаетъ въ міровой борьбѣ двѣ неравныя стороны: добро, благородство, подъ некрасивой и грубой оболочкой, зло, подлость подъ покровомъ красоты и обаянія. Не много рыцарей добра, но они уже вѣрные его служители, готовые на всякое самоотреченіе во имя высшаго идеала. Чистую нравственность М. В. ставитъ выше самой мудрости, потому что къ послѣдней присоединяется мотивъ личнаго благосостоянія, будь это стоицизмъ или эпикурейство, а нравственность ищетъ чистаго добра. Самый аскетизмъ представляется ей эгоизмомъ, поскольку онъ уединяется отъ жизни. Неустанная борьба со зломъ—вотъ истинно нравственная цѣль.

„Егорій храбрый, сражавшійся съ зміемъ“, вотъ русскій народный идеалъ, который М. В. выставляетъ на своемъ знамени. Прежде всего мы боремся со стихіей, и „въ этомъ заключается наша особенность, сила нашего человѣчества“. Зло широко въ своихъ развѣтвленіяхъ, оно и *слабость*, потому что легко для человѣка и разрушаетъ вмѣсто созиданія; оно и *сила*, когда это разрушеніе беретъ верхъ.

„Жизнь—это та большая дорога, которая ведетъ по тинѣ“, употребляетъ М. В. образное сравненіе. Одни погрязли въ ней, другіе свернули въ сторону и стали пробивать себѣ тропинку: это аскеты, которые если возвращаются, приносятъ міру новое слово. „Оставаться, чтобы погрязнуть — обыкновенный удѣлъ человѣчества, уйти это — аскетизмъ, вернуться — лучшее, что есть“.

Проложить по тинѣ мостки,—вотъ высшая цѣль, направленная ко благу человѣчества.—„Нравственность, это тѣ мостки, которые создаются любовью“.

— „Истина есть добро, какъ добро истина“, вотъ отвѣтъ на Пилатовскій вопросъ. И русское слово „правда“ какъ нельзя лучше объединяетъ эти двѣ стороны. Всякое „непротивленіе злу“ М. В. относитъ къ равнодушію и эгоизму. Альтруизмъ,

служеніе цѣлому, а не своей самости—неустанно проповѣдуется М. В. въ ея лекціяхъ и статьяхъ.

— „Жить не что иное, какъ развивать свою личность", говоритъ она и также: „человѣкъ нуженъ лишь, какъ звено цѣлаго".—„Отречься отъ своей личности, чтобы дѣйствовать, есть иначе ее возвысить".—Вѣдь это евангельскій идеалъ („иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю").

Любя и цѣня жизнь, М. В. приходитъ тѣмъ не менѣе къ выводу, что не надо бояться смерти, т. к. страшна и самая жизнь своими противорѣчіями, а „смерть — откровеніе". „Въ смерти открыто то познаніе, которое жизнь не даетъ, а смерть можетъ раскрыть". М. В. вѣритъ въ безконечное развитіе человѣческой личности. „Чѣмъ больше развивается человѣкъ, тѣмъ нравственнѣе дѣлаются его мотивы, тѣмъ ближе онъ къ правдѣ и тѣмъ дальше отъ природы, не знающей правды".

„Человѣкъ родится каплей природы, человѣкъ умираетъ тѣмъ, что сдѣлалъ изъ себя самъ. Сознать это свое призваніе,— это идти по дорогѣ къ лучшему будущему".

Относительно личности М. В. можно сказать, что она была настоящимъ философомъ въ смыслѣ постоянной внутренней сосредоточенности, горѣнія духа, алчущаго правды. Дѣйственность—неотъемлемая черта М. В., стремившейся провести въ жизнь свои завѣтныя идеи: она жаждала познанія подъ непремѣннымъ условіемъ раздѣленія его съ другими. Философію она считала своимъ призваніемъ.—„Бросить свое *остальное* и отдаться своему *призванію*", говоритъ она въ мысляхъ „Изъ одного альбома".—„Люблю міръ науки, люблю погружаться въ то, что все же мое дѣло, и я этому дѣлу въ силу многихъ обстоятельствъ [1]) не вѣрна".—„Мнѣ всегда хотѣлось дѣйствовать, а приходилось думать. Не потому ли мои мысли получили ту окраску, которая дѣлаетъ ихъ оригинальными"?

Лишенная, въ силу цѣлаго ряда внѣшнихъ условій, любимой научно-популяризаторской дѣятельности, М. В. томится отъ одиночества.—„Вынужденное одиночество подобно тюрьмѣ; добровольное—высшая свобода".—„Страстная любовь къ живому дѣлу прожигаетъ того, кто его лишенъ".

По природѣ своей М. В. субъективна: ея дневникъ „Изъ одного альбома" полонъ трогательныхъ интимныхъ признаній. Замѣтимъ, что этотъ дневникъ она сама издала при жизни,

[1]) См. статью Пѣшковой-Толивѣровой—„Памяти М. В. Безобразовой", „Русская Старина" мартъ 1915 г.

чувствуя, очевидно, потребность внутренняго общенія съ читателями.—„О, жизнь, ты идешь мимо, ничего не оставляя. Я вижу жизнь въ окно. О, слава, тебя давно нѣтъ".

Сомнѣніе въ своихъ силахъ часто томитъ ее при вынужденномъ бездѣйствіи, когда ея даровитость и эрудиція не находили себѣ выхода и признанія. Тоска охватывала ее вмѣсто удовлетвореннаго чувства своей необходимости въ жизни. Но не узко-личное самолюбіе говоритъ въ М. В., а неудержимое желаніе дѣйствовать, бороться со зломъ. Въ глубинѣ души М. В. любитъ жизнь, хотѣла бы видѣть и чувствовать ее просвѣтленной. Знаетъ она и цѣнность страданія.—„Лучшее, что существуетъ на землѣ, это плодъ страданія".

Чутко слѣдя за біеніемъ міровой жизни, за всякимъ проявленіемъ общественности, М. В. ближе всего принимала къ сердцу интересы своей родины. „Я интересуюсь больше, чѣмъ философіей, судьбой Россіи", говорила она, при чемъ скорбѣла и возмущалась расхожденіемъ жизни и науки у себя на родинѣ.

Чтобы дѣлать истинно культурное дѣло, мало быть научнымъ, т.-е. умственно правдивымъ и добросовѣстнымъ, мало быть энтузіастомъ—съ жаромъ отдаваться намѣченной цѣли; надо умѣть быть благодарнымъ по отношенію тѣхъ, кто облегчилъ нашъ трудъ предварительными поисками, а главное—страданіемъ, надо имѣть память сердца объ „отшедшихъ". Степенью этой благодарности измѣряется культурный уровень народа и отдѣльной личности.

Отмѣтивъ высокій и чуткій строй мысли и благородство стремленій основательницы нашего Этическаго кружка [1]), выразимъ теплую благодарность ея свѣтлой памяти и пожеланіе растить внутри себя и въ окружающемъ обществѣ завѣщанныя намъ ею духовныя начала, во имя которыхъ создался нашъ кружокъ, во имя которыхъ созидается и обновляется жизнь. А въ наше время міровой борьбы стихій добра и зла, Ормузда и Аримана, необходимо имѣть идейно-нравственный компасъ, который направлялъ бы людей по метущимся волнамъ современности.

И. А. Макшеева.

---

[1]) Надо замѣтить, что идея основанія Философскаго общества при Петроградскомъ университетѣ принадлежитъ М. В., о чемъ могутъ засвидѣтельствовать близко стоявшія къ дѣлу лица.